

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Избранное из писем к немцу

Тед Качинский

Тед Качинский
Избранное из писем к немцу
2008

<https://ia800300.us.archive.org/21/items/tk-Technological-Slavery/tk-Technological-Slavery.pdf>

*Оригинальное название: Excerpts from Letters to a German,
перевод cumslut2002*

ru.anarchistlibraries.net

2008

Оглавление

ТЕКСТ	5
ИСТОЧНИКИ	23

10. Хоффер, там же, §104.
11. Хоффер, там же, §110.
12. Хоффер, там же, §111.
13. Гордон С. Вуд (Gordon S. Wood), "The Making of a Disaster", *The New York Review*, 28 апреля 2005 года, страница 34.
14. *The New Encycloptl!dia Britannica*, 15-е издание, 2003 г., Том 21, статья "Internarional Relarions", страница 807.
15. Там же, Том 27, статья "Social Structmre and Change", страница 370.

ТЕКСТ

Есть две трудности с характерными левыми вопросами о виктимности, такими как укоренившееся угнетение женщин, гомосексуалов, расовых или этнических меньшинств и животных.

Во-первых, эти вопросы отвлекают внимание от проблемы технологии. Энергия бунта, которую можно было бы направить против технологической системы, тратится вместо этого на незначительные проблемы расизма, сексизма и т. д. Поэтому было бы лучше, если бы эти проблемы были полностью решены. Тогда они бы не отвлекали бы внимание от проблемы технологии.

Но революционеры не должны пытаться решать проблемы расизма, сексизма и так далее, потому что, занимаясь ими, они ещё больше отвлекут внимание от главного. Кроме того, революционеры внесут очень мало в решение проблем женщин, меньшинств и т. д., потому что технологическое общество само уже работает над решением этих проблем. Каждый день (по крайней мере в Соединённых Штатах) СМИ учат нас, что женщины равны мужчинам, гомосексуалов следует уважать, что все расы должны получать равное отношение и так далее. Следовательно, любые усилия в этом направлении со стороны революционеров излишни.

Ставя в фокус вопросы виктимности, например укоренившегося угнетения женщин, гомосексуалов и расовых меньшинств, левые значительно усугубляют степень отвлечения внимания от проблемы технологии. Но для рево-

люционеров было бы контрпродуктивно пытаться препятствовать усилиям левых по решению этих проблем, потому что такое сопротивление усилит споры и, следовательно, заберёт ещё больше внимания.

Вместо этого революционеры должны постоянно указывать и показывать, что энергия, потраченная на вопросы виктимности - переливание из пустого в порожнее, и что её следует направить на проблему технологии.

Вторая трудность, связанная с вопросами о виктимности - любая группа, занимающаяся ими, привлекает левых.

Как было сказано в Манифесте, левые бесполезны как революционеры, потому что большинство из них на самом деле не хочет свергать существующую форму общества. Они заинтересованы только в удовлетворении своих собственных психологических потребностей посредством яростной пропаганды "причин". Любая "причина" подойдёт, лишь бы не специфически праворадикальная.

Так, когда возникает какое-либо движение (кроме праворадикального), которое стремится к революции, левые налетают, как мухи на мед, пока не превысят исходных членов движения, не захватят его и не превратят в левое движение. После движение становится бесполезным для революционных целей. Примером этого процесса служит "Сперва Земля!" ("Earth First!") (см. Martha F. Lee, "Earth First!: Environmental Apocalypse", Университетское издательство Сиракьюса, Сиракьюс, Нью-Йорк, 1995). Таким образом, левые служат механизмом для обезоруживания молодых революционных движений.

Следовательно, чтобы сформировать эффективное движение, революционеры должны приложить усилия, чтобы исключить левых из движения. Чтобы отпугнуть левых, революционерам следует не только избегать участия в усилиях по помощи женщинам, гомосексуалам или расовым меньшинствам; они должны явно отказаться от интере-

ИСТОЧНИКИ

1. Лев Троцкий, *История русской революции*, перевод Макса Иствуда (три тома в одном), *Pathfinder*, Нью-Йорк, 1980, Том Два, страница vii.
2. Эрик Хоффер, "Человек Убеждённый", §90.
3. *The New Encycloptedia Britannica*, 15-е издание, 2003 г., Том 26, статья "Propaganda", страница 175.
4. Paul Schebesta, *Die Bambuti-Pygmaen vom Ituri*, II. Band, I. Teil I, Институт королевской колониальной Бельгии, Брюссель, 1941, страницы 11-21, 31, 142, 170.
5. Карлтон С. Кун (Carleton S. Coon), "The Hunting Peoples", *Little, Brown and Company*, Бостон и Торонто, 1971, страницы 72-73. Элизабет Кэшдан (Elizabeth Cashdan), "Hunters and Gatherers: Economic Behavior in Bands", в сборнике С. Платтнера (S. Plattner), *Economic Anthropology*, Stanford University Press, 1989, страница 28.
6. Кун (Coon), там же, страница 48.
7. Гонтран де Понсин (Gontran de Poncins), "Kabloona", *Time-Life Books*, Александрия, Вирджиния, США, 1980, страницы 14, 15, 124.
8. ISAIF, абзацы 33-37.
9. См. ISAIF, абзац 29.

Это все ещё неясно...” Журнал Time, 3 апреля 2006 года, страницы [35], [36].

Выпуская такое количество углекислого газа в атмосферу, Система уже настолько нарушила климат Земли, что даже специалисты этой области не могут предсказать последствия. Даже если бы она немедленно прекратила выброс углекислого газа, климат Земли, вероятно, не вернулся бы к своему предыдущему состоянию. Никто не знает, во что превратится наш климат. Мы даже не знаем наверняка, будет ли Земля по-прежнему пригодной для обитания к концу века. Конечно, чем больше углекислого газа будет выброшено, тем больше опасность. Да, Система может разрушить саму себя, развиваясь быстрее и выбрасывая больше углекислого газа, но в процессе она также разрушит всё остальное.

Я уже подчёркивал, что то, что может привести к революции, - не ухудшение условий жизни, а способствующий революции психологический климат. И одна из незаменимых психологических предпосылок для революции - у людей должна быть надежда. Если надежды не будет, не будет и революции. Серьёзной проблемой является тот факт, что многие из умнейших уже потеряли надежду. Они думают, что уже слишком поздно, и что Землю спасти нельзя. Если бы мы ускорили разрушительное действие системы, мы бы только распространили и усугубили эту безнадёгу.

са к таким вопросам и раз и навсегда подчеркнуть, что женщины, гомосексуалы, расовые меньшинства и так далее должны быть счастливы, потому что наше общество обращается с ними лучше, чем это делали большинство обществ прошлого. Принимая такую позицию, революционеры отделят себя от левых и отговорят их присоединиться.

Похоже, вы думаете, что рост давления на людей в современном обществе будет достаточным для революции. Но это не так. Конечно, для возникновения революции всерьёз плачевное положение быть должно, но его самого, или даже самого крупного бедствия, не достаточно для революции. Люди, изучавшие процесс революции, согласны в том, что помимо плачевного положения необходим некий триггер. Триггером может стать харизматичный лидер, какое-либо необычное событие или что-либо ещё, что пробудит новую надежду на то, что восстание даст облегчение.

Как писал Троцкий:

”На самом деле просто наличия лишений недостаточно для восстания... Необходимо, чтобы новые условия и новые идеи открыли перспективу революционного выхода”.[1]

По мнению философа-социолога Эрика Хоффера: *”Когда декорации на сцене установлены, то появление выдающегося вождя необходимо. Без него никакого движения быть не может. Созревшее время не вызовет автоматически движения...”.[2]*

Точно так же ”Энциклопедия Британника” гласит: *”Рядовые члены любой группы, особенно большой, как правило,*

остаются удивительно пассивны, пока их не поднимут духовные лидеры, которых они уважают и которым доверяют”.[3]

Конечно, предпосылки для революции гораздо сложнее простого наличия харизматичных лидеров или “новых условий и новых идей”, которые пробуждают надежду. Для более подробного обсуждения см. “Theory of Collective Behavior” Нила Дж. Смелсера (Neil J. Smelser), издательство Macmillan, Нью-Йорк, 1971, страницы 313-384. Однако суть в том, что революционеры не могут просто пассивно ждать, когда сложности вызовут революцию. Вместо этого они должны активно готовить путь к революции.

Следует добавить, что замечания о левизне, - что здесь, что в Манифесте, - основаны на наблюдении за американскими левыми. Я не знаю, можно ли без изменений применять их к европейским.

Вы пишете: “Давайте не будем обманываться относительно реальной роли женщин.” Если вы имеете в виду, что материнство - это единственная подходящая роль для женщин, то я не согласен. Независимо от воспитания детей, женщины всегда выполняли очень важную, даже незаменимую работу, часто физически тяжёлую или требующую большого мастерства. Укажу только несколько примеров: Среди пигмеев мбути помимо воспитания детей женщины работали гораздо больше, чем мужчины, обеспечивали основную часть пропитания, строили хижины, их работа часто была очень тяжёлой. Среди прочего, они носили огромные охапки дров в лагерь на своих спинах.[4] Женщины охотничье-собираательных обществ в тёплом климате, как

тонет. “Худший исход” - корабль потонет через две минуты. Поэтому мы тут же бросаем шлюпку на воду, запрыгиваем в неё и быстро отплываем от корабля. Потом мы замечаем, что скоро умрём, потому что не взяли с собой ни еду, ни воду. И было бы лучше взять с собой еду и воду, а не уплывать в спешке, потому что корабль потонул не так быстро, как мы опасались. Но уже слишком поздно...

Поэтому мы не должны готовиться только к худшему, а, по возможности, ко всему.

Вы утверждаете, что мы должны ускорить работу “машины” (то есть Системы), чтобы она себя разрушила. Но, разрушая себя, машина также разрушит нас и наш мир, а возможно, и все формы жизни. Помните, что не все разрушительные процессы, инициированные Системой, прекратятся сразу же после её разрушения. Рассмотрим, например, парниковый эффект.

””[Г]лобальные климатические системы - это мины-ловушки с трещинами и петлями обратной связи, пороговыми значениями, за которыми медленное ухудшение состояния окружающей среды сменяется внезапным и самосохраняющим коллапсом. Выбросьте достаточное количество CO₂, и эта последняя миллионная доля парникового газа поведёт себя подобно температуре 212 градусов по Фаренгейту [2120 градусов по Фаренгейту == 1000 градусов Цельсия], превратив кастрюлю с горячей водой в столб клубящегося пара... ‘Вещи происходят намного быстрее, чем кто-либо предсказывал’, говорит Билл Чамейдес, главный учёный защитной группы Environmental Defense и бывший профессор атмосферной химии. ‘Последние 12 месяцев были тревожными’, добавляет Рут Карри из Woods Hole Oceanographic Institute в Массачусетсе. ‘Реакция в научном сообществе ощутима физически’... Можно ли ещё отменить ущерб, вызванный глобальным потеплением?

Вы правы, говоря, что роль революционеров - лишь в катализации. Нельзя создать революцию из ничего. Всё, что они могут - реализовать те возможности, которые дают условия, в которых люди живут, так же как катализатор может вызвать химическую реакцию только в случае наличия необходимых реагентов. Вам, кажется, кажется, что такая роль лучше всего выполняется усугублением объективных причин недовольства. Но я убеждён, что их уже достаточно. Чтобы сыграть роль катализатора, необходимо достичь психологического эффекта, например, обнаружив и использовав верный миф.

Существует множество молодых людей, которые осознают, что технологическая система разрушает наш мир и свободу; они хотят сопротивляться, но знают, что не достигнут ничего в одиночку, поэтому ищут группу или движение, к которым могли бы присоединиться. В нынешних обстоятельствах они не могут найти никаких групп или движений, кроме левых или им подобных. Так что молодой человек присоединяется к одной из этих групп и либо принимает её идеологию, либо теряет надежду, покидает группу, сдаётся и становится апатичным. Нужно настоящее революционное движение, к которому такие молодые люди могли бы присоединиться, прежде чем их завербуют и сломают какие-либо левые группы.

Ускорение. Не всегда безопаснее действовать с предположением худшего. Например: мы на корабле, который

правило, обеспечивали основную часть пропитания, тогда как в холодных странах мужчины её обеспечивали через охоту.[5] Но в холодных странах женщины шили одежду,[6] которая в таком климате была незаменима, и женщины определённых охотничье-собираТЕЛЬНЫХ обществ показывали удивительное мастерство.[7]

Так, не отрицая важности их роли как матерей, мы также должны признать важность роли женщин как тружениц и искусных работниц. И, кроме того, я поддерживаю, что женщины, так же как и мужчины, нуждаются в работе, то есть в деятельности, направленной на достижение цели (в "процессе власти").[8] И я подозреваю, что причина, по которой современные женщины хотят заниматься мужскими занятиями, в том, что роли матери уже недостаточно для удовлетворения, с учётом того, что технология сократила другие традиционные женские занятия до тривиальности. Современной женщине не нужно шить одежду, потому что она может её купить; ей не нужно плести корзины, потому что у неё в распоряжении множество хороших контейнеров; ей не нужно искать фрукты, орехи и корни, потому что она может покупать хорошее пропитание; и так далее.

Вы пишете: "Система действует настолько хитро, что убеждает этнические меньшинства в том, что потеря идентичности - это хорошо. Меньшинствами манипулируют им же в убыток, и совершенно без какого-либо заметного принуждения." Да, я согласен с этим, за исключением, что в некоторых странах она хитрее: вместо того чтобы говорить этническим меньшинствам, что потеря идентичности - это хорошо, она говорит им поддерживать свою этническую идентичность, но в то же время Система хорошо

знает, как лишить этническую идентичность её реального содержания и свести к пустым внешним формам. Это произошло как в Соединённых Штатах[9], так и в Советском Союзе.

Конечно, я мало что знаю о немецких, но американские университетские интеллектуалы, за редкими исключениями, совсем не подходят для членства в эффективном революционном движении. Большинство из них принадлежат к левым. Некоторые из этих интеллектуалов могли бы стать полезными, распространяя идеи о проблеме технологии, но большинство напуганы мыслью о свержении системы и не смогут стать активными революционерами. Они - "люди слов", о которых говорил Эрик Хоффер:

"Эта предварительная работа, т. е. подрыв существующего порядка, а также ознакомление масс с идеей перемен и создание в стране атмосферы, благоприятной для новой веры, могут быть проведены только «людьми слова», прежде всего общепризнанными говорунами и писателями... Таким образом «человек слова» незаметно подрывает существующий порядок, опорочивает власть имущих, ослабляет установленные взгляды, подрывает авторитеты – в общем, подготавливает обстановку для появления массового движения."[10]

"Когда старый порядок начинает распадаться, многие из горластых «людей слова», которые давно молились о наступлении таких дней, падают духом; первые признаки анархии пугают их насмерть."[11]

"Творческий «человек слова», как бы резко ни критиковал и ни высмеивал существующий порядок, по сути, привязан

Даже если бы вы были правы, и для каждой революции был возможен только один миф, всё равно мы не могли бы считать, что правильный миф разовьётся сам по себе и вовремя. Мифы Французской и Русской революций не были разработаны общественностью в целом, а лишь небольшим числом интеллектуалов. Возможно, их работа заключалась только в придании формы и структуры прежде бесформенным или бессознательным недовольствам и невзгодам нации, тем не менее она была незаменима для успеха революции.

Вот чего я придерживаюсь: задача революционеров – не в увеличении или усилении объективных причин недовольства. Причин уже достаточно. Вместо этого революционеры должны сделать следующее:

(а) Существуют определённые фальшивые основы недовольства (например, мнимые вопросы феминизма, этнических меньшинств, гомосексуалов, прав животных и т. д.), которые служат для отвлечения внимания от настоящих. Революционерам следует каким-то образом обойти или устранить эти отвлекающие тактики.

(б) Революционеры должны привести в действие подлинные, но до сих пор плохо осознаваемые причины недовольства.

(с) Для достижения этой цели революционеры должны (среди прочего) разработать революционный миф. Это не означает, что они должны придумывать его произвольно. Вместо этого они должны обнаружить и осветить уже существующий и реальный миф, который сейчас в неявной форме, и придать ему чёткую структуру.

но контролировать людей, способных стать успешными лидерами и агитаторами.

Если бы вам удалось запустить во властные круги всего трёх или четырёх революционеров, которые, к тому же, не предали бы революцию для сохранения своей власти и престижа, это было бы удивительным успехом. Такие кроты, возможно, могли бы сыграть роль в революции, но, вероятно, не решающую.

Вы говорите, что революции никогда не планируются на чертёжной доске, и вы правы. Но я бы не сказал, что революции всегда можно объяснить недовольством какого-либо большого сегмента общества. Недовольство - предпосылка для революции, но его самого по себе недостаточно, чтобы её вызвать. Я это уже подчёркивал. Кроме того, для революции требуется революционный миф, и по этому вопросу вы пишете, что революции никогда не выбирали свои идеалы и мифы свободно, что совершенно так. Но затем вы пишете: "Обстоятельства, в которых живут люди, не оставляют им другого выбора, кроме как принять именно эти мифы и идеалы, и никакие другие". Я не до конца согласен с этим. Миф нельзя выбрать произвольно. Миф может преуспеть только в том случае, если отвечает на текущие (возможно, частично бессознательные) недовольства и негодования. Но я не думаю, что обстоятельства, в которых живут люди, всегда должны точно определять единственный миф. Например: Пророк Мухаммед создал чрезвычайно успешный миф, написав Коран. Но скажете ли вы, что ничто, кроме Корана, не могло бы решить негодования арабов?

к настоящему. У него желание исправить, а не разрушить. Когда массовое движение целиком попадает в его руки, он делает его более мягким. Намеченные им реформы – неглубокие, и жизнь движется без неожиданных остановок."[12]

Вы пишете: "Движение должно быть совершенно новым началом, за пределами всех позиций левых и правых". Да, конечно! Я полностью согласен!

Вы правы: нам нужно беспокоиться о временном факторе. Но также учитывать возможность, что борьба продлится очень долго, возможно, много десятилетий. Мы должны свергнуть систему как можно скорее, но тем не менее подготовиться к долгосрочной революционной борьбе, потому что может оказаться, что быстрое свержение системы недостижимо.

Вы указали, что технологический прогресс идёт со сверхскоростью; что потребуются, возможно, двадцать лет, чтобы разработать первые компьютеры, превосходящие любой человеческий мозг по вычислительной мощности; что генная инженерия неизбежно будет применяться для "улучшения" людей; что будут разработаны новые препараты. Всё это может быть правдой. Но будущее может быть и иным, чем мы ожидаем. Например:

"Учёный из Массачусетского технологического института полагает, что в течение восьми лет будет создано

устройство с интеллектом, превосходящим уровень гениев... Другие учёные... не согласились только с графиком. Они предположили 15 лет..."

Это из газеты "The Chicago Daily News", 16 ноября 1970 года. Очевидно, того, что предсказали учёные, не произошло в срок. Точно так же попытки излечить определённые человеческие болезни с помощью генной инженерии столкнулись с трудностями: такая терапия может вызвать рак. Таким образом, возможно, что компьютеры не превзойдут людей в интеллекте так быстро, как полагается; генная инженерия может не так легко применяться к людям; и так далее. С другой стороны, также возможно, что разработки будут проходить даже быстрее, чем кто-либо сейчас подозревает. В любом случае, социальные последствия новой технологии непредсказуемы и могут отличаться от наших прогнозов. Социальные последствия технологического прогресса на данный момент отличаются от того, что я ожидал, будучи молодым. Поэтому нам нужно готовиться ко всем возможностям, включая ту, что наша борьба продлится очень долго.

Существует две ошибки, которые почти все люди, за исключением опытных политиков и социологов, допускают при разработке плана изменения общества.

Первая - человек разрабатывает план на основе чистых вычислений, как если бы он проектировал мост или машину, и затем ожидает, что план будет успешен.

Можно успешно спроектировать мост или что-то подобное, потому что материальные объекты надёжно подчиняются точным законам. Так, можно предсказать, как

в Системе. Возможно, у него один шанс из ста приобрести позицию власти, и он может достичь её только через усилия спустя долгий период.

Человек будет предпринимать их и упорно им следовать только в том случае, если находит удовлетворение в своей карьере. Допустим, член революционной ячейки имел успешную карьеру и после двадцати лет усилий присоединился к властным кругам. Ему нравится его карьера, теперь у него есть власть, и он достиг этого спустя долгие годы усилий. Захочет ли он потерять всё это через уничтожение системы? В редких, исключительных случаях, возможно, захочет, но обычно нет. История предлагает бесчисленные примеры молодых, кровожадных мятежников, которые клялись вечно сопротивляться, но затем заимев успешную карьеру, став старше и богаче, получив статус и престиж, они приходят к заключению, что Система не так уж и плоха, и лучше к ней приспособиться.

Существуют и другие причины полагать, что ваш план не будет успешным. План требует, чтобы движение оставалось тайным и неизвестным общественности. Но это невозможно. Можно с уверенностью сказать, что кто-то из движения изменит своё мнение или допустит ошибку, так что факт существования движения станет общедоступным. Затем начнутся официальные расследования и так далее. В истории можно найти примеры сложных сетей шпионов, конспирация которых тщательно охранялась, но которые, тем не менее, стали известны, хотя некоторые из ячеек могли остаться секретными. Существование движения, которое вы предлагаете, также наверняка стало бы известным.

В четвёртой секции вашего письма вы предлагаете, чтобы лидеров и агитаторов из рядов левых "инструктировали" члены движения. Но, за редкими исключениями, невозможно поверить, что участники могли бы так силь-

Так как энтузиазм приносит большое удовольствие, его для сильно желаемой цели может быть достаточно, чтобы побудить человека к революционным действиям, но только тогда, когда достижение цели очень близко. Когда оно кажется невероятным или далёким по времени, сама цель не вызовет энтузиазма.

Когда достижение цели не близко, следующие удовольствия, могут замотивировать обычного члена революционного движения: (i) Чувство цели, ощущение, что у него есть цель, вокруг которой он организует свою жизнь. (ii) Чувство власти. (iii) Чувство принадлежности, ощущение, что он является частью сплочённой социальной группы. (iv) Статус или престиж в рамках движения; одобрение других членов движения. (v) Гнев, месть; возможность возмездия Системе.

Конечно, также можно найти удовлетворение в своём вкладе в будущее достижение революционной цели, даже если индивидуальный вклад имеет только незаметное воздействие, но тогда удовлетворение слишком слабое, чтобы побудить приложить значительные революционные усилия - за редкими, исключительными случаями. Поэтому революционное движение должно быть основано преимущественно на других мотивациях.

Что касается чувства власти - ячейка из десятка людей не может предоставить участнику много чувства власти. Он получит его только тогда, когда присоединится к властным кругам общества, и затем получит своё чувство власти не от революционного движения, а от своей позиции

материальные объекты будут реагировать в данной ситуации. Но в области социальных явлений у нас есть очень мало надёжных точных правил; поэтому, в общем, мы не можем надёжно вычислять социальные явления.

Среди немногих надёжных прогнозов, которые можно сделать, - что план не будет успешно реализован. Если вы выпустите автомобиль без водителя на крутом склоне, вы не можете предсказать путь, который выберет автомобиль, но вы можете предсказать, что он не будет следовать ранее выбранным маршрутом. Если вы выпустите группу мышей из клетки, вы не сможете предсказать, как каждая мышь будет бежать, но вы можете предсказать, что мыши не будут маршировать согласно ранее заданному плану. Так же, в целом, и в области социальных явлений.

Социологи понимают, насколько сложно осуществить какой-либо долгосрочный план:

"История не даёт уроков для будущего кроме одного: ничего не выходит так, как участники предполагали или ожидали."[13]

"Первая мировая война... закончилась различными планами, такими же иллюзорными, какими были планы войны. Как написал историк Уильям МакНилл, 'Иррациональность рационального, профессионального планирования не могла стать более явной'."[14]

"Большая часть социального планирования короткосрочна...; цели планирования часто не достигаются, и даже если план успешен с точки зрения заявленных целей, он часто имеет непредвиденные последствия. Чем шире объём и длиннее временной период планирования, тем сложнее достичь целей и избежать непредвиденных и нежелательных последствий... Крупномасштабные и долгосрочные социальные изменения в любом обществе по-прежнему в значительной степени не планируемы."[15]

Вышесказанное бесспорно верно, и, более того, относится и к госпланам. У государства есть власть, огромное количество информации и способность её анализировать и использовать. У нас нет власти и относительно небольшая способность собирать и анализировать информацию. Если государство не может успешно осуществить долгосрочный социальный план, то мы тем более.

Поэтому я утверждаю, что революционеры не должны привязываться к какому-либо заранее прописанному долгосрочному или всестороннему плану. Вместо этого они должны, насколько это возможно, полагаться на опыт и действовать методом проб и ошибок, и надеяться только на простые краткосрочные планы. Конечно, революционерам также следует иметь всесторонний долгосрочный план, но он всегда должен быть временным, и революционеры всегда должны быть готовы менять его или даже отказаться от него вообще, при условии, что они никогда не забудут о конечной цели - свержении Системы. Другими словами, движение должно быть гибким и готовым ко всему.

Вторая из вышеуказанных ошибок - человек предлагает план (допустим, очень хороший), а затем считает, что достаточное количество людей будет следовать ему просто потому, что он хорош. Но если цель плана - изменить общество, то сколь бы он ни был отличным, его превосходство не будет тем, что заставит людей ему следовать. Нам нужно учитывать человеческие мотивации.

В частной жизни чистый разум часто может сподвигнуть человека следовать хорошему плану. Например, если с помощью разума мы можем убедить человека, что один врач более умелый, чем другой, то человек, вероятно, обратится к более умелому врачу, потому что он знает, что так он быстрее поправится от своего недомогания.

С другой стороны, если мы можем убедить человека в том, что определённый план будет полезен обществу, при условии, что достаточное количество людей ему следует, это даёт человеку максимум очень слабое побуждение ему следовать, потому что он знает, что крайне маловероятно, что его собственное отдельное участие окажет какое-либо заметное воздействие на общество. Например: Многие знают, что мир был бы лучше, если бы все отказались использовать автомобили. Тем не менее, за редкими исключениями, каждый из этих людей имеет свой автомобиль, потому что он говорит себе, что если откажется ездить, то потерпит большие неудобства, не дав заметной пользы миру; ведь мир получит незаметное преимущество, только если миллионы людей откажутся от использования автомобилей.

Поэтому мы всегда должны помнить, что, за редкими исключениями, человек присоединяется к революционному движению в первую очередь не для достижения цели движения, а чтобы удовлетворить свои психологические или физические потребности или испытать какое-то удовольствие. Каким бы верным и искренне преданным он ни был впоследствии революционной цели, его преданность каким-то образом выросла из его собственных потребностей или из тех удовольствий, которые он испытал. Конечно, достижение цели движения может удовлетворить потребности участника, но, как правило, только действия нескольких лидеров могут заметно увеличить вероятность достижения цели. Как уже упоминалось, участники, находящиеся в рядах движения, знают, что их собственное индивидуальное участие может оказать максимум незаметное воздействие на достижение цели. Поэтому цель сама по себе и только через холодный расчёт не побудит его к действию.